

Научная статья
УДК 372.881
DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>
EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>

Моделирование содержания обучения английскому языку как лингва франка современного юридического общения

Яроцкая Людмила Владимировна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Москва, Россия

Будённая Светлана Юрьевна

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
Москва, Россия

***Аннотация.** Широкое использование английского языка в международном правовом пространстве свидетельствует об обретении им к началу XXI в. нового статуса – лингва франка современного юридического общения, что, однако, не получило достаточного научного осмысления ни в лингвистической, ни в лингводидактической литературе. Цель исследования – восполнить этот пробел: на основе результатов анализа специальной литературы по проблематике исследования, обобщения и систематизации данных, интерпретации полученных результатов разработать и обосновать инвариант-модель содержания обучения английскому языку как юридическому лингва франка. Реализация поставленной цели связана с изложенным в статье решением комплекса задач: научным обоснованием статуса английского языка как юридического лингва франка; созданием его лингводидактической проекции, соотношенной с иерархией актуальных коммуникативно-деятельных потребностей типичных представителей мирового юридического сообщества и отражающей стратегию освоения соответствующего содержания; обоснованием методического инструментария для отбора актуального содержания обучения юридическому лингва франка; конкретизацией посредством системы дескрипторов инвариант-модели обучения этому содержанию и ее апробацией.*

***Ключевые слова:** юридический лингва франка, английский язык, модель содержания обучения, коммуникативно-деятельностные потребности, юрист-международник.*

***Для цитирования:** Яроцкая Л.В., Будённая С.Ю. Моделирование содержания обучения английскому языку как лингва франка современного юридического общения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 2. С. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>. EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>*

Original article

Modelling the content of teaching and learning English as a lingua franca for modern legal communication

Lyudmila V. Yarotskaya

National Research Nuclear University Mephi
Moscow, Russia

Svetlana Yu. Budennaya

O.E. Kutafin Moscow State Law University,
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)
Moscow, Russia

Abstract. *By the turn of the 21st century, using English throughout international legal space had resulted in its obviously acquiring a new status – that of a lingua franca for modern legal communication. However, it has not been duly addressed either by linguists or by the language pedagogy community so far. The aim of the article is to close the gap: through analysis of literature relevant to the problem in question, generalization and systematization of the data obtained, and interpretation of the results thus collected, to work out and substantiate an invariant content model of teaching and learning English as a legal lingua franca. The outline of corresponding objectives shapes the content of the article and include: establishing the status of the English language as a legal lingua franca and providing its language pedagogy perspective harmonized with the hierarchy of up-to-date communicative and action-oriented needs representative of the world legal community. With the discovered hierarchy reflecting the teaching-and-learning strategy and the substantiated content selection tools underlying lingua franca selection procedures, the invariant model for teaching and learning the content is further specified through a system of descriptors and tested.*

Keywords: *legal lingua franca, English, teaching-and-learning content model, communicative and action-oriented needs, international lawyer.*

For citation: *Yarotskaya L.V., Budennaya S.Yu. Modelling the content of teaching and learning English as a lingua franca for modern legal communication // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 2. P. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>. EDN: <https://elibrary.ru/YKVVHOE>*

Введение

Юридическая сфера – особое измерение профессиональной деятельности человека, характеризующееся глубоким погружением в национальную культуру лингвосоциума, обусловленностью традициями и обычаями народа, его пониманием справедливого мироустройства, опытом социокультурного строительства и актуальной практикой жизнедеятельности человека в современных контекстах правовых отношений. При этом важной особенностью юридической деятельности является ее *коммуникативная природа*. Как отмечают исследователи (философы, юристы, лингвисты и др.), *право суть язык*; оно – результат непрерывной человеческой коммуникации, которая приобретает правовой смысл и значение при интерпретации специальных текстов, устанавливающих права и обязанности участников социального взаимодействия *в конкретном социокультурном*

контексте [1–4 и др.]. Еще со времен установления римского права именно слову отводится функция закрепления правовых смыслов, а основополагающим профессиональным инструментом юриста считаются его коммуникативные умения [4–7 и др.].

Осмысливая коммуникативный характер и социокультурную обусловленность юридической деятельности, представляется важным учитывать специфику современной коммуникации и изменение форматов профессиональной деятельности в глобализированном информационно-коммуникационном пространстве [3, 8 и др.]. В сложившихся условиях взаимное влияние этих достаточно разнородных факторов имеет синергетический эффект, при котором соотношение «коммуникация – когниция» оказывается неоднозначным. Это приводит к нелинейному протеканию процессов трансформации правовой реальности в глобальном масштабе, появлению новых «продуктов» ее языкового воплощения. С одной стороны, развитие баз данных, сетевых ресурсов, открывающих широкие возможности для трансграничных международных контактов, электронных форматов сотрудничества, определяет потребность коммуникантов в общем языковом коде, удобном в применении и понятном представителям любых национальных правовых культур [9, 10 и др.]. С другой стороны, юрист, как отмечалось выше, – всегда носитель конкретных правовых смыслов, традиций, обычаев, «неписаных законов», регламентирующих способы деятельности и обеспечивающих реализацию типичных коммуникативно-деятельностных потребностей национального представителя этой профессии [7, 11–13]. В подобных условиях использование «чужого» языкового кода, на первый взгляд, весьма проблематично, поскольку с языком, как правило, заимствуется и система культурно-правовых координат – то лингвокогнитивное основание юридической деятельности, которое запечатлено в языковой и концептуальной картинах мира.

При анализе этого объективно сложившегося противоречия учтем также и такие достаточно распространенные в языке права явления, как культурно-правовые лакуны, формальные корреляты [11 и др.], значительный пласт фоновой лексики, что серьезно затрудняет межкультурное общение юристов-международников в профессиональном поле. Тем не менее по стечению обстоятельств к началу XXI в., несмотря на отмеченное выше противоречие, использование английского языка (далее – АЯ) на мировой арене выходцами из разных правовых систем, по существу, в функции лингва франка современного юридического общения становится не просто общей практикой, а нормой – той реальностью, с которой сегодня нельзя не считаться [10, 13–15 и др.]. Вместе с тем данное утверждение о новом статусе юридического АЯ, очевидно, нуждается в дополнительной научной аргументации, что до настоящего времени не нашло своего отражения ни в лингвистической, ни тем более в лингводидактической литературе.

Цель исследования – восполнить этот пробел: разработать и обосновать инвариант-модель содержания обучения АЯ как юридическому лингва франка. Реализация поставленной цели связана с решением следующих задач: научным обоснованием статуса АЯ как юридического лингва франка; созданием его лингводидактической проекции, соотношенной с иерархией актуальных коммуника-

тивно-деятельных потребностей типичных представителей мирового юридического сообщества и отражающей стратегию освоения соответствующего содержания; обоснованием методического инструментария для отбора актуального содержания обучения юридическому лингва франка; конкретизацией посредством системы дескрипторов инвариант-модели обучения этому содержанию и ее апробацией.

Материалы исследования включают: документы и другие юридически значимые продукты деятельности международных организаций, связанные с правовыми аспектами регулирования международных отношений; публикации отечественных и зарубежных ученых по вопросам современного юридического общения, формирования у обучающихся соответствующих компетенций; продукты деятельности участников опытной проверки, экспертные заключения, полученные в ходе исследования.

Исследование проводилось с применением теоретических и эмпирических *методов*, основными среди которых являются: *анализ* специальной литературы по проблематике статьи; *обобщение* полученных данных, их *систематизация* и *интерпретация*; *моделирование* содержательного компонента обучения юридическому лингва франка; *опытная проверка* разработанной модели; *опрос* и *интервьюирование* участников опытной проверки (обучающихся и преподавателей), отечественных и зарубежных юристов, включенных в международно-правовые контексты деятельности; *экспертная оценка* содержательной модели лингва франка.

Основная часть

Юридический лингва франка: к постановке проблемы

К настоящему времени сложилось понимание *лингва франка* (далее – ЛФ) как универсального языкового кода, нейтрального в культурном плане и позволяющего представителям разных лингвосоциумов общаться в процессе решения прагматических задач. Язык такого общения неизбежно упрощается: ослабляется языковая норма, свойственная языку-основе; вырабатывается специфическая система значений, ограниченная кругом решаемых коммуникантами практических задач [16–19 и др.].

С одной стороны, такая ситуация (обособление языка права от воплощенной в нем правовой культуры), как отмечалось выше, достаточно проблематична, так как за юридическим термином стоят значимые для любого лингвосоциума социокультурные практики. С другой стороны, процессы глобализации на рубеже XXI в. (международные объединения финансовых и бизнес-кругов, стремящихся, обретя «общий язык права», обеспечить правовую определенность и устойчивость своей деятельности; высокая активность англосаксонских политических «тяжеловесов»; работа многочисленных международных организаций, использующих АЯ в качестве универсального инструмента, весьма распространенного в мире и относительно «несложного» для освоения) обусловили широкомасштабный характер его использования – тенденция, поддержанная и значительно усиленная Интернетом. Сегодня АЯ стал *достоянием всего мирового сообщества*, востребованным рабочим инструментом профессиональной личности [13, 20–22 и др.].

С началом третьего тысячелетия человечество принимает новые стандарты торгово-промышленного сотрудничества, электронного документооборота, юридического обеспечения этих процессов, решает другие насущные вопросы международной жизни, и «путевку в жизнь» эти решения получают, как правило, «в англоязычном исполнении». С языком приходят рекомендуемые международным сообществом «актуальные» форматы и шаблоны документов, сценарии деятельности при решении финансовых, экономических, правовых вопросов (как, например, UNCITRAL Model Laws). Происходит унификация юридических практик, обеспечивающих эти процессы. Одновременно «корректируется» и сам юридический АЯ, адаптирующийся к новым условиям функционирования в пространстве пересечения интересов международных акторов, не имеющих англосаксонские корни: наблюдается постепенное абстрагирование от исконных англосаксонских культурно-правовых смыслов, обретение им свойств ЛФ [9, 10, 14 и др.].

Таким образом, происходит «расслоение» языка, вызванное неоднородностью социокультурных условий его функциональной реализации: с одной стороны, в контекстах англосаксонской правовой традиции, с другой – в транскультурных правовых контекстах, свободных от опосредованности национально-культурными константами. В то же время функционирование ЛФ, очевидно, не отменяет того факта, что за пределами «шаблонных» решений юрист-международник – всегда представитель своей страны, призванный отстаивать ее интересы на международной арене и быть носителем ее правовых смыслов. Это предполагает признание целого ряда «допущений» социокультурного плана, связанных с готовностью коммуникантов использовать при необходимости компенсаторные механизмы, обеспечивающие коммуникативный паритет сторон [13], что требует развитой компетентностной базы и обуславливает необходимость поиска и научного обоснования соответствующих лингводидактических решений.

Лингводидактическое «измерение» юридического лингва франка: осмысление проблемного поля

В значительном количестве работ, имеющих отношение к теме нашего исследования, рассматриваются когнитивно-дискурсивные особенности юридической терминологии, переводческие трудности, связанные с межъязыковой и межкультурной интерференцией, а также наличием юридических лакун [23–25 и др.]. Внимание авторов нередко сосредоточено на сравнительном анализе понятийного аппарата российского и англосаксонского / американского права; причем за основу часто берется договор как документ, весьма востребованный в практике международных отношений [25–27 и др.]. Так, например, Н.В. Багринцева и О.А. Демченкова, рассматривая трудности перевода англоязычных договоров, делают вывод о нецелесообразности опоры в практике перевода на иноязычные аналоги, поскольку существует угроза подмены юридических понятий, что чревато смысловыми искажениями, причем по значимым договорным позициям. В силу этого освоение языка права увязывается с анализом понятийной модели данной предметной области [26].

В этой связи исследуются юридические составляющие языковой и концептуальной картин англосаксонского мира и даже варианты различий (британский и североамериканский) внутри англо-американского права, иногда, несмотря на значительные расхождения, не принимаемые в расчет, что препятствует эффективной межкультурной коммуникации. Некоторые авторы ограничиваются рассмотрением юридической практики исключительно США [28, 29 и др.], что, с нашей точки зрения, нивелирует перспективу подготовки коммуникантов из разных правовых культур к равноправному англоязычному диалогу.

Особый интерес представляет исследование Д.В. Алейниковой, в котором выявлены и описаны когнитивно-дискурсивные основания фундаментальных различий правовых культур – РФ и стран, имеющих англосаксонские корни, что при их взаимодействии объективно создает коллизионные контексты: внешние – в ситуациях непосредственных контактов представителей этих систем права и внутренние – при столкновении концептуально разных правовых картин мира в сознании коммуникантов [2]. Подобные различия способны вылиться в серьезную проблему в случаях, когда АЯ используется носителями разных правовых культур, не готовых к прагматической адаптации ситуации общения с учетом национально-культурной принадлежности партнера по коммуникации, что усиливает значимость поиска эффективных лингводидактических решений в контекстах ЛФ.

Ряд исследований сосредоточены на поиске технологичных инструментов для обучения будущих юристов профессиональной коммуникации на АЯ [5, 30, 31 и др.]. При этом ситуация иноязычного юридического общения в *поликультурных контекстах*, хотя и затрагивается авторами [1, 32, 33 и др.], однако оказывается значительно менее исследованной в научном плане, а вопрос об *АЯ как юридическом ЛФ* поднимается лишь в отдельных работах [9, 10, 14, 15].

Такое положение дел свидетельствует о том, что сложившаяся практика и представленная в научных публикациях теория обучения будущих юристов-международников англоязычному профессиональному общению не вполне учитывают ряд существенных факторов, в частности: «расслоение» юридического АЯ, вызванное неоднородностью социокультурных условий его функционирования; специфические особенности юридического ЛФ, значимые для подготовки профессиональных кадров; необходимость подготовки обучающихся к равноправной коммуникации всех сторон в контекстах юридического ЛФ и с учетом коммуникативно-деятельностных потребностей профессиональной личности юриста.

Таким образом, результаты даже предварительного анализа проблемного поля позволяют очертить круг *противоречий*, значительно ограничивающих как современную практику иноязычной подготовки юристов-международников, так и теоретическое осмысление происходящих в международном правовом пространстве языковых процессов, а именно: между устоявшейся лингводидактической практикой, ориентированной на преподавание юридического АЯ в контекстах англосаксонской правовой культуры, и его функционированием как де-факто ЛФ; между «расслоением» юридического АЯ, вызванным неоднородно-

стью социокультурных условий его функциональной реализации, и недостаточным лингводидактическим осмыслением совокупности актуальных коммуникативно-деятельностных потребностей современного юриста международно-правовой специализации; между потребностью юристов из разных лингвосоциумов в универсальном языковом коде для решения прагматических задач профессиональной деятельности и необходимостью квалифицированно представлять интересы своей страны на международной арене, адекватно передавая на АЯ свои национально-культурные правовые смыслы.

Для приведения лингводидактического процесса в соответствие со сложившимися реалиями международно-правовых отношений обозначенные выше противоречия, очевидно, требуют разрешения, что и задает научные координаты лингводидактического поиска в обозначенном проблемном поле и определяет содержание разделов нашей статьи.

Потенциал английского языка как юридического лингва франка

Проведенный анализ современного англоязычного международно-правового дискурса позволил выявить две свойственные ему *разнонаправленные тенденции*.

Первая тенденция проявляется в конвергентном движении мировых юридических практик в направлении унификации шаблонов деятельности, сценариев, стандартизации международно-правовой документации и при этом *активном использовании АЯ в качестве универсального кода* общения юристов-выходцев из разных лингвосоциумов и правовых семей [34, 35 и др.]. Такой юридический АЯ не только стремится освободиться от своего культурного (национально-культурного, социокультурного) основания, но и испытывает упрощения на разных системных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Нередко наблюдаются отклонения от нормы; *язык функционально ограничен кругом стандартных / стандартизированных задач*, решаемых юристом международно-правовой специализации, что в достаточной степени удовлетворяет его коммуникативно-деятельностные потребности в профессиональном поле. Примечательно, что эта тенденция не только отвечает «внешнему» по отношению к англоязычному миру запросу, но и соответствует «внутреннему» запросу граждан англоязычных государств к упрощению «юридического английского» (*the plain English movement*) – весомый фактор, объективно способствующий укреплению отмеченной тенденции [36–38 и др.].

Вторая тенденция связана с природой самой юридической деятельности, имеющей, как правило, глубокие корни в национальной культуре и обусловленной необходимостью представлять интересы своей страны в международном правовом пространстве. Тенденция заключается в сохранении национально-культурного основания дискурсивной деятельности юристов из разных правовых семей [2, 7, 23 и др.], что, однако, отнюдь не отменяет применения стандартизированных юридических практик на так называемом «техническом» уровне юридического взаимодействия [3, 13].

Выявленные тенденции послужили базой для углубленного исследования потенциала АЯ как юридического ЛФ. Полученные результаты позволяют констатировать следующее.

Будучи коммуникативным инструментом, высоковостребованным в реальной практике международно-правовой деятельности и, очевидно, отвечающим актуальным потребностям надэтнического профессионального сообщества, юридический АЯ характеризуется целым рядом специфических особенностей, свидетельствующих в пользу его отнесения к ЛФ. Хотя он и берет свое начало в англосаксонской правовой культуре, постепенно он «приспосабливается» к иным социокультурным условиям и в таком виде используется юристами из разных стран и развивается наряду с «оригиналом» (в своей собственной логике). Например, североамериканское право, имеющее британские корни, показывает значительные отличия от англосаксонского, восходя в ряде штатов (например, в Луизиане) к континентальному праву – концептуально иной правовой системе. При этом языком общения юристов остается английский, что в международно-правовых контекстах нередко выливается в терминологические разночтения, поскольку в разных социокультурных условиях термины оказываются наделенными иными значениями. Аналогичные отличия наблюдаются и в других бывших колониях Великобритании, что не препятствует использованию ими общего (английского) языка, однако, очевидно, требует некоторых «допущений» с учетом конкретных сторон юридической коммуникации.

Поскольку, как мы убедились, подобная практика не просто в принципе возможна, но уже реально существует и развивается, причем на протяжении не одного столетия, то вопрос о допустимости обособления коммуникативного кода от его культурно-правового основания (или, по крайней мере, ослабления связей между ними) в пространстве международных отношений не может рассматриваться как непреодолимый барьер. И деятельность ведущих международных организаций – очевидное свидетельство этому.

Что касается собственно языковых характеристик, то в любом из своих вариантов юридический АЯ архаичен, сильно формализован, насыщен условностями и рассматривается даже многими исконными носителями АЯ как «*другой язык*», доступный для понимания лишь специально подготовленными профессионалами в этой области и требующий перевода «с английского на английский»; в то же время он подвержен явно обозначившейся в последние годы «тенденции к упрощению юридического английского – *the plain English movement*, что, с учетом всех действующих факторов, способствует консолидации его статуса лингва франка, делая его более доступным для новых поколений юристов во всем мире» [13].

Весьма важным фактором, способствующим закреплению за юридическим АЯ статуса ЛФ, выступают также технико-технологические достижения конца XX – начала XXI в. и результаты их глобального внедрения, а именно: появление, повсеместное распространение и бурное развитие новой, сетевой, инфраструктуры современной коммуникации (Интернета) и в связи с этим – переход на электронные форматы общения, в том числе в юридической сфере, где опора на документ поставлена во главу угла [39, 40, и др.]. Учитывая коммуникативную природу права, возросшее значение письменной речи в глобальной сети [3], широкую представленность в ней англоязычных юридических ресурсов, устой-

чивую тенденцию к унификации юридических практик, настоятельные рекомендации международных организаций в отношении современного документооборота, вполне обоснованным представляется мнение ученых из ряда западноевропейских университетов о том, что в наше время АЯ фактически выступает в функции юридического ЛФ [15], и это, в свою очередь, нуждается в адекватном лингводидактическом ответе.

Таким образом, в ходе исследования была установлена неоднородность международно-правового дискурса и выявлена разнонаправленность представленных в нем тенденций развития юридического АЯ. При этом обозначившиеся тенденции (в силу «многомерности» юридической деятельности и юридического общения) не носят взаимоисключающий характер, поскольку связаны с реализацией разных коммуникативно-деятельностных потребностей представителей надэтнического юридического сообщества. Это потребовало иерархизации таких потребностей и соответствующих им готовностей.

Иерархия коммуникативно-деятельностных потребностей представителей мирового юридического сообщества

Иерархия включает *три качественно дифференцируемых уровня юридического ЛФ* – прагматический, социопрагматический, межкультурный, каждый из которых ориентирован на типичные ситуации юридического общения и предполагает реализацию определенных коммуникативно-деятельностных потребностей юриста. С повышением функционально обусловленного уровня вербального взаимодействия сторон юридический ЛФ как особый, наднациональный формат общения с необходимостью предусматривает ряд социокультурных и/или национально-культурных «допущений» (и соответствующих им готовностей коммуникантов), тем самым обеспечивая возможность *расширения контекстов англоязычного юридического общения* с учетом культурной специфики представленных в нем сторон. Повышение уровня в иерархии подразумевает обогащение субъектами юридического общения своей компетентностной базы.

Так, *прагматический уровень* можно квалифицировать как *классический ЛФ* в юридической сфере. В условиях сетевых коммуникаций он оказывается, с одной стороны, необходимым юридическим инструментом, а с другой – фактически уровнем технического владения языком, предполагая реализацию коммуникативно-деятельностных потребностей юридического сообщества, связанных в первую очередь с рецепцией и продукцией стандартной документации, производимой исходя из *унифицированных шаблонов и процедур, регламентов и рекомендаций международных и крупных региональных организаций*. При этом в подобных ситуациях общения устная речь в значительной степени оказывается «обслуживающей» письменные форматы коммуникации.

Социопрагматический уровень характеризуется как *ЛФ в формате «допущений» значимых дискурсивных расхождений* в юридических практиках разных лингвосоциумов (например, представителей французского и германского права, относящихся к системе континентального права, но испытывающих значительные коммуникативные затруднения, связанные не столько с языком общения, сколько с различием принятых у юристов этих стран *социокультурных практик*

[1, 2, 12 и др.]). Такие различия, даже при наличии стандартизированного подхода, обуславливают необходимость их осознания, учета и функциональной компенсации. Это позволяет профессионалу удовлетворять свои коммуникативно-деятельностные потребности, связанные с созданием и рецепцией стандартизированных юридически значимых речевых произведений (в устной и письменной формах) с учетом социокультурной специфики партнера по коммуникации. Данный уровень является промежуточным, что обусловило выделение двух подуровней (с ориентацией на более высокий/более низкий уровень юридического ЛФ).

Межкультурный уровень – высший уровень юридического ЛФ, реализуемый в формате «допущений» значимых культурно-правовых различий (например, при общении на АЯ представителей разных правовых систем из Европы, Китая, стран Африки и Ближнего Востока). Этот уровень владения юридическим ЛФ базируется на двух предыдущих, однако предполагает глубокое осознание, учет и эффективную лингвокогнитивную компенсацию различий.

Лингводидактическая проекция юридического лингва франка

Построение иерархии коммуникативно-деятельностных потребностей представителей мирового юридического сообщества позволило перейти к разработке лингводидактической проекции юридического ЛФ – конфигурации систематизированных контекстов юридического общения, соотносенных с лингводидактическими условиями их освоения в учебной / учебно-профессиональной деятельности и определяющих стратегию обучения АЯ как ЛФ современного юридического общения [13]. В рамках проекции была проведена методическая конкретизация содержательных объектов освоения.

В силу отмеченных выше различий уровней ЛФ каждый из них в контуре конфигурации реализует свою лингводидактическую парадигму:

– *прагматический уровень* – коммуникативную парадигму с ориентацией на текст (стандартный документ) как единицу коммуникации;

– *социопрагматический уровень* – когнитивно-коммуникативную парадигму с акцентом на социокультурный контекст как единицу освоения, включая специфические особенности юридического дискурса (лингво)социума в стандартизированных речевых произведениях (письменных и устных), требующие адекватного англоязычного представления / рецепции;

– *межкультурный уровень* – когнитивную парадигму, обеспечивающую условия для адекватной перцепции потенциальных участников ситуации англоязычного межкультурного юридического общения [13]; при этом межкультурный контекст как единицу освоения можно охарактеризовать как полиперспективный, поскольку он актуализируется как перспектива национально-культурных и социокультурных правовых контекстов, в том числе коллизионных (наиболее проблемных).

Исходя из выявленных особенностей юридического ЛФ и учитывая их мультипарадигмальное лингводидактическое «разрешение», был уточнен структурный план содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ и конкретизирован соответствующий ему объем понятия. Анализ специальной литературы по данному вопросу [41–44 и др.] и обобщение полученных данных позволили сделать

вывод о целесообразности принятия *триединой структуры* содержания обучения АЯ как юридического ЛФ. Такая структура включает:

– *предметно-функциональный компонент*, представленный в системном виде каждым из подлежащих освоению функциональных форматов (далее – ФФ) межкультурной юридической коммуникации (в понимании ФФ и его трактовке как единицы содержания обучения юристов специальной иноязычной коммуникации, обоснованной Е.В. Думиной [3]);

– *процессуальный компонент*, интегрирующий речевые умения и навыки, обеспечивающие владение соответствующими ФФ;

– *компенсаторный компонент*, ориентированный на развитие готовности юриста, работающего в международном правовом пространстве, компенсировать вероятные дискурсивные отклонения в социокультурных практиках партнеров по коммуникации и/или дефицит у них/у себя лингвокогнитивных структур (в соответствии с уровнем реализации ЛФ).

Инструменты и результаты отбора содержания обучения юридическому лингва франка

В качестве инструментов отбора содержания обучения юридическому ЛФ была обоснована следующая *система принципов*: *философско-педагогические принципы* (принцип системности, антропологический, герменевтический и культурологический принципы); *дидактические принципы* (прежде всего, систематичности и последовательности, сознательности и деятельностного характера обучения), дополненные интегративным *лингводидактическим принципом* интернационализации профессиональной подготовки специалиста; *методические принципы* (коммуникативной направленности обучения; создания условий освоения иностранного языка, приближающихся к основным характеристикам реального межкультурного общения, а также предложенный Н.П. Хомяковой принцип целенаправленного и последовательного моделирования контекстов профессиональной деятельности юриста [45]); *специальные принципы* отбора содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ (принцип межкультурной координации содержания обучения юристов [45]); авторские принципы С.Ю. Буденной: системно-функциональной реализации содержательного компонента обучения в контекстах ЛФ; документоцентричности речевого юридического взаимодействия (устного и письменного) в контекстах ЛФ; учета динамики развития коммуникативно-деятельностных потребностей личности в контекстах ЛФ) [13].

Система принципов получила методическое преломление в *критериях отбора* содержания обучения юридическому ЛФ. Для *предметно-функционального компонента* в качестве первоочередных критериев выступили: уровень стандартизации и уровень контекстности создаваемого/воспринимаемого речевого продукта, а также уровень «допущения различий». При этом уровень стандартизации речевого произведения влияет и на степень востребованности в содержании обучения юридическому ЛФ *компенсаторного компонента*, предполагающего выход на общие/соотносимые для представителей разных (лингво)социумов функциональные смыслы юридической деятельности. Критерием второго

порядка, относящимся к *процессуальному компоненту* содержания обучения юридическому ЛФ, выступил системный показатель, учитывающий уровень трудности учебного материала, коррелирующий с иерархией ФФ [13].

Реализация приведенных выше принципов и критериев в процедурах отбора актуальных для ЛФ компонентов содержания обучения представителей юридического сообщества позволила установить, определить и соотнести содержание каждого из компонентов в рамках единого системного объекта. Это обусловило конфигурацию структурно-содержательного блока создаваемой модели содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ, отражающую динамику развития коммуникативно-деятельностных потребностей представителя юридического сообщества, работающего в международном правовом пространстве (табл. 1). Заметим, что термины «ограниченная рецепция (продукция)», «расширенная рецепция (продукция)», «полноценная рецепция (продукция)» используются нами в трактовке, предложенной Е.В. Думиной, что позволяет фиксировать динамику процесса развития умений *письменной речи*; термин «условная продукция» применяется для обозначения минимального уровня развития умений *письменной речи*, лишь формально связанных с созданием речевых произведений, поскольку продуктивной подобная деятельность может называться весьма условно, ограничиваясь «заполнением пропусков (главным образом, в связи с воспроизведением информации из других источников)» [3].

Таблица 1

**Уровневая структура содержания обучения английскому языку
как юридическому лингва франка**

Уровень юр. ЛФ	Предметно-функц. компонент содержания обучения юр. ЛФ	Процессуальный компонент содержания обучения юр. ЛФ				Компенсаторный компонент содержания обучения юр. ЛФ
		чтение	письмо	понимание на слух	говорение	
Прагматический	1.1. Исполнительский 1.2. Заявительный 1.3. Договорный	Ограниченная, расширенная рецепция в стандартизированной форме документа	Условная, ограниченная, расширенная продукция в стандартной форме документа	Понимание на уровне выживания в стандартных ситуациях устного проф. общения	Говорение на уровне выживания в стандартных ситуациях устного проф. общения	–
Социопрагматический (опция 1)	2.1.1. Договорный 2.2.1. Исполнительский 2.3.1. Заявительный	Полноценная рецепция в стандартизированной форме документа	Полноценная продукция в стандартизированной форме документа	Понимание на уровне орг. участия в ситуациях устного проф. общения	Говорение на уровне орг. участия в ситуациях устного проф. общения	–

Окончание табл. 1

Уровень юр. ЛФ	Предметно-функц. компонент содержания обучения юр. ЛФ	Процессуальный компонент содержания обучения юр. ЛФ				Компенсаторный компонент содержания обучения юр. ЛФ
		чтение	письмо	понимание на слух	говорение	
Социопрагматический (опция 2)	2.1.2. Договорный 2.2.2. Исполнительский 2.3.2. Заявительный	Полноценная рецепция в стандартизированной форме документа	Полноценная продукция в стандартизированной форме документа	Понимание на уровне продуктивного участия в ситуациях устного общения	Говорение на уровне продуктивного участия в ситуациях устного проф. общения	Компенсация дискурсивных «допущений» в контекстах применения юр. ЛФ
Межкультурный	3.1. Исследовательский 3.2. Консультационный 3.3. Профессионально-личностный	Полноценная рецепция разнообразных речевых произведений юр. направленности	Полноценная продукция при создании нестандартного речевого произведения юр. направленности	Понимание на уровне полноценного продуктивного участия в ситуациях устного проф. общения в межкульт. контекстах	Говорение на уровне полноценного продуктивного участия в ситуациях устного проф. общения в межкульт. контекстах	Компенсация дискурсивных культурно-правовых «допущений» в межкульт. контекстах проф. деятельности и совр. юр. общения

Для описания иерархии умений *устной речи* мы сочли целесообразным дополнительно ввести ряд терминов: «понимание / говорение на уровне выживания в стандартных ситуациях устного профессионального общения» (соотносится с элементарным владением юридическим ЛФ); «понимание / говорение на уровне организационного участия в ситуациях устного профессионального общения» (соотносится с уровнем развития речевых умений, позволяющим решать организационные вопросы в связи с реализацией определенных ФФ); «понимание / говорение на уровне продуктивного участия в ситуациях устного профессионального общения» (продуктивность обусловлена готовностью участников общения восполнять значимые дискурсивные отклонения в юридических практиках коммуникантов); «понимание / говорение на уровне полноценного продуктивного участия в ситуациях устного профессионального общения в межкультурных контекстах» (предполагает готовность компенсировать дефицит лингвокогнитивных средств (собственных и / или коммуникативного партнера), выходя на общие / соотносимые функциональные смыслы) [13, с. 76, 77]. На рисунке 1 приведена модель содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ, представленная для наглядности в виде схемы.

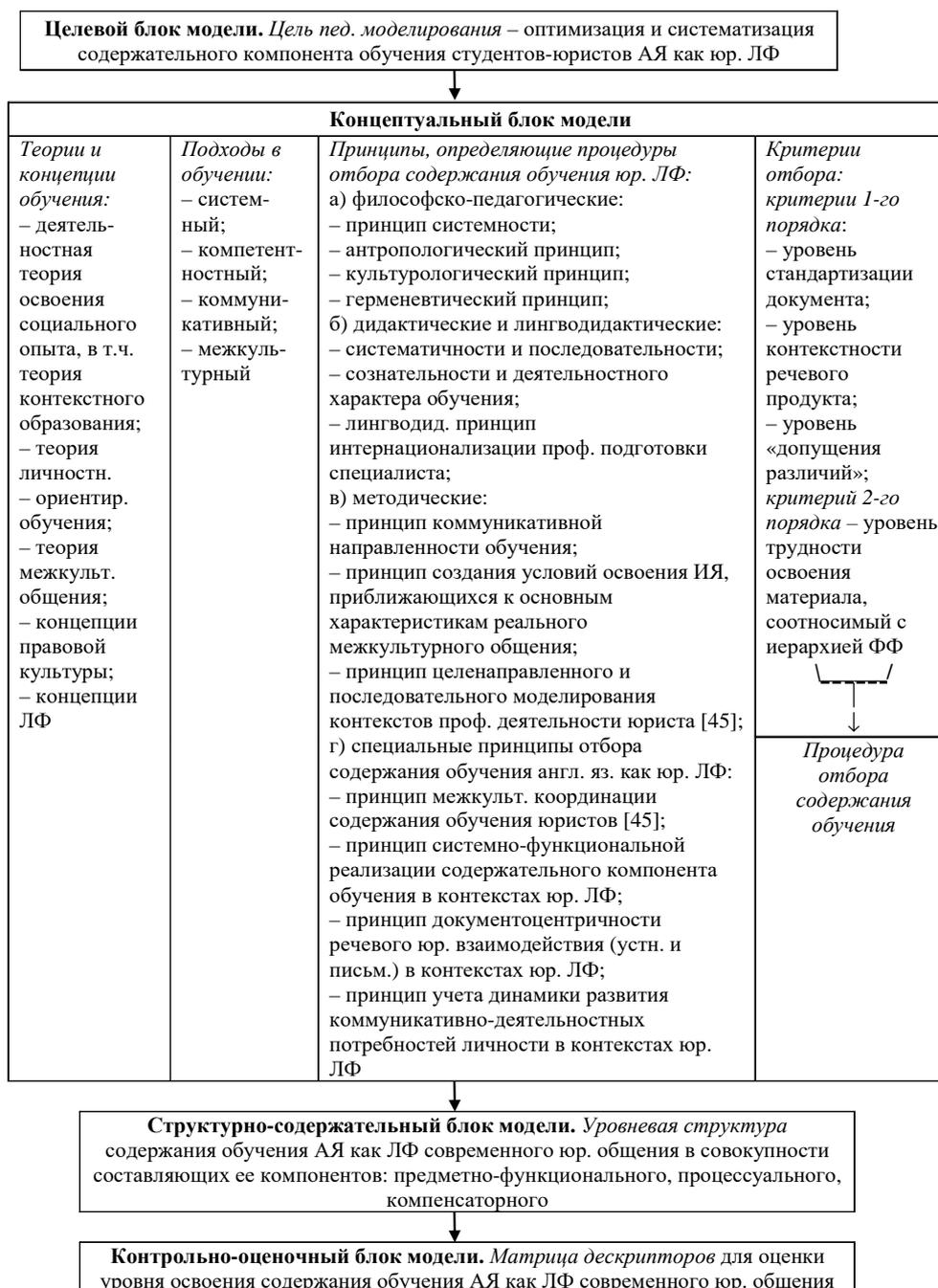

Рис. 1. Модель содержания обучения юридическому лингва франка

В качестве дополнительного комментария к модели заметим, что в рамках ее контрольно-оценочного блока разработана *матрица дескрипторов*, конкретизирующих объекты обучения и контроля (педагогического и самоконтроля обучающегося) в терминах учебной деятельности. Это делает матрицу доступным для применения образовательным инструментом, адресованным как преподавателю, так и обучающимся, стремящимся организовать свою учебную деятельность в автономном режиме. Поскольку матрица представляет собой объемный продукт [13, с. 100–133] и не вписывается в формат статьи, то этот материал в настоящее время готовится к печати как отдельная публикация.

Разработанная модель прошла экспертную оценку в 2020–2022 гг. В экспертизе приняли участие 60 человек: преподаватели АЯ, работающие в профильных образовательных организациях / подразделениях (МГЮА, ВАВТ, МГЛУ) (восемь человек), в том числе: консультирующие обучающихся и коллег по вопросам англоязычной юридической коммуникации в условиях неформального образования; выпускники вышеперечисленных вузов (всего 47 человек в возрасте от 20 до 27 лет); юристы (пять человек, включая специалиста, работающего в контекстах юридического ЛФ). Экспертиза проводилась анонимно (кроме последнего случая). Модель получила положительную оценку, однако на первом этапе (2020–2021 уч. г.) восемь экспертов (не преподаватели АЯ) рекомендовали упростить формулировки некоторых дескрипторов, сделав их понятнее для студентов. Материалы были доработаны с учетом рекомендаций и в следующей группе экспертов (2021–2022 уч. г.) не вызвали нареканий [13].

Заключение

Модель содержания обучения АЯ как юридическому ЛФ представляет собой инвариант, рекомендуемый к применению в различных условиях (в *формальном, неформальном и информальном* образовании). Подчеркнем, что в любом случае она нуждается в дополнительном осмыслении субъектами образовательного процесса конкретных особенностей обучения и учете рекомендаций, разработанных по результатам исследования (диверсифицированный перечень рекомендаций, обращенных к субъектам педагогического взаимодействия, – в работе [13]).

Перспективность модели видится в ее соотнесенности с контекстами профессиональной деятельности *развивающейся* личности современного юриста-международника, занимающегося самообразованием.

Проведение дальнейших исследований в логике данной работы мы связываем с разработкой процессуального компонента обучения, релевантного содержательной модели обучения АЯ как юридическому ЛФ. Научно-практический интерес представляет и выявление других областей деятельности специалистов, работающих де-факто в контекстах ЛФ (например, информационных технологий, медицины и др.) и разрабатывающих соответствующий лингводидактический инструментарий для оптимизации условий обучения профессиональной иноязычной коммуникации.

Список источников

1. Акмаева Н.Г. К проблеме обучения студентов-юристов межкультурному профессиональному общению в поликультурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 16 (727). С. 24–30.
2. Алейникова Д.В. Методика обучения юристов межкультурному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур (английский язык, магистратура): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019.
3. Думина Е.В. Формирование умений межкультурной письменной коммуникации юриста в условиях ранней профессионализации (немецкий язык, бакалавриат): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2021.
4. Поляков А.В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации. Санкт-Петербург: Университетский изд. консорциум «Юридическая книга», 2006. 60 с.
5. Стрекалова К.В. Технология профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-бакалавров международно-правового профиля (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2018.
6. Ступникова Л.В. Обучение профессионально ориентированному дискурсу в правовой сфере в условиях межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2010.
7. Яроцкая Л.В., Алейникова Д.В., Бондарчук Г.Г. Лингвистические и лингводидактические основы обучения студентов-юристов иноязычному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур: монография. Москва: Триумф, 2020. 170 с.
8. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Формирование цифровых компетенций юристов в современном правовом образовательном пространстве // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 61–71. DOI: 10.21681/1994-1404-2022-3-61-71
9. Anesa P. Towards a conceptualization of legal English as a Lingua Franca // International journal of English linguistics. 2021. Vol. 9, No. 6. P. 14–21. DOI: 10.5539/ijel.v9n6p14
10. Llopis Orts M. Legal English as the Lingua Franca for International Law. Traits and Pitfalls for ESP Practitioners and Legal Translators // VAKKI Publications. 2017. No. 8. P. 17–28.
11. Амосова Т.В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 2 (773). С. 106–118.
12. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 1999. 398 с.
13. Буденная С.Ю. Отбор содержания обучения студентов-юристов английскому языку как лингва франка современного юридического общения: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2024.
14. Kuennecke M. English as common legal language: its expansion and the effects on civil law and common law lawyers // European review of private law. 2016. Vol. 24, No. 5. P. 733–757. DOI: 10.54648/ERPL2016044
15. Sierocka H., Chovancova B., Kordic L. Addressing the needs of lawyers in Legal English: A comparative study in four European Union countries // Comparative Legilinguistics. International journal for legal communication. 2019. Vol. 33. P. 57–88. DOI: 10.14746/cl.2018.33.3

16. Бондаренко В.Е. Lingua franca как лингводидактическая проблема. Традиции и инновации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. № 14 (674). С. 37–45.
17. Kirkpatrick, A. English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010. 236 p.
18. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? European Commission Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. 91 p.
19. Zhang S. English as a global language in Chinese context // Theory and practice in language studies. 2011. Vol. 1, No. 2. P. 167–176. DOI: 10.4304/tpls.1.2.167-176
20. Жерновая О.Р., Латышева А.И., Лобанова Н.С. Английский язык как язык международного общения: кому принадлежит английский язык сегодня? // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2015. № 4 (48). С. 438–451. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-39
21. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1-2 (32-33). 2018. С. 12–30.
22. Тимкина Ю.Ю., Безукладников К.Э. Ключевые характеристики профессионально-ориентированной межкультурной языковой личности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 1. С. 8–18. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.1.1
23. Иконникова В.А. Влияние теории права на развитие особенностей англоязычных юридических терминосистем // Преподаватель XXI век. Фундаментальная наука вузам. Филологические науки. 2009. № 4. С. 302–307.
24. Капшутарь Е.С., Филиппова М.М. Особенности перевода современных англоязычных терминов права // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 41–53.
25. Сидоркина М.С. Понятия «Сделка» и «Договор» в праве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 34–37.
26. Багринцева Н.В., Демченкова О.А. К вопросу о переводе контрактов (договоров) с английского языка на русский // Вопросы филологических наук. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. 2008. № 6. С. 111–115.
27. Рябкова И.П., Кожевникова А.Н. Лингвоструктурные особенности договора в российском, американском и британском праве: сопоставительно-переводческий аспект // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 10. С. 140–148.
28. Вьюшкина Е.Г. Потенциал дисциплины «Английский язык» для развития профессиональных компетенций будущих юристов // Язык науки и профессиональная коммуникация. Лингводидактика. 2019. № 1. С. 59–67.
29. Солдатов Б.Г., Солдатова Н.В. К вопросу о профессионализации обучения иностранному языку студентов юридических специальностей // Философия права. Философско-правовые и методические проблемы образования. 2018. № 1 (84). С. 95–99.
30. Агеева М.Г., Лапкина Ю.Ю. Педагогическая технология формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6, № 2. С. 272–278. DOI: 10.30853/ped210032
31. Михалева С.Н. Современные образовательные технологии в преподавании иностранного языка для юристов // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6, № 3-4. С. 19–31. URL: <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2022-3-4-19-31>
32. Садыкова Н.В., Ялаева Н.В. К вопросу о формировании поликультурной языковой личности на уроке английского языка в юридическом вузе // Полиязычная образова-

- тельная среда: модели и технологии: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Изд-во Уральского федер. ун-та, 2018. С. 38–43.
33. Сергеева Н.Н., Таюрская С.Н. Реализация мультикультурного иноязычного образования: Эвристический ресурс подходов в обучении студентов-юристов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 184–192. DOI: 10.17223/15617793/473/23
 34. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2000. 264 с.
 35. Хитарова Е.Г., Карипиди А.Г., Чумак В.В. Перспективы использования английского языка как метопредметного компонента в юридической лексике // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 241–247.
 36. Костоварова В.В. Простой английский в юридической коммуникации: история становления и особенности // Сервис plus. 2023. Т. 17, № 2. С. 48–57. DOI: 10.5281/zenodo.8232423
 37. Shiflett M. Plain English movement and its influence on today's legal English // International Journal of Novel Research in Interdisciplinary Studies. 2017. Vol. 4, No. 2. P. 11–14.
 38. Williams C. Legal English and plain language: an introduction // ESP across cultures. 2004. No. 4. P. 111–124.
 39. Уздимаева Н.И. Понятие, особенности и значение юридических документов // Контентус. 2020. № 4. С. 118–127. DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10034
 40. Rudneva Y.V., Fadeev A.V., Chugurova T.V. Legal force on an electronic document // European proceedings of Social and Behavioural sciences. 2020. P. 842–846. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.121
 41. Вербицкий А.А., Хомякова Н.П. Структура содержания обучения иностранному языку специальности: контекстный подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 12 (618). С. 61–71.
 42. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 303–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22
 43. Фадеева Л.В. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. Москва: Икар, 2017. 336 с.
 44. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие. Москва: Икар, 2017. 336 с.
 45. Хомякова Н.П. Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (французский язык): дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2011.

References

1. Akmaeva N.G. Revisiting the problem of teaching student-lawyers intercultural professional communication in multicultural context. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2015; 16 (727): 24–30.
2. Aleynikova D.V. Methods of Teaching Law Students Intercultural Professional Communication in Colliding Legal Cultures (English language, masters' degree). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2019.
3. Dumina E.V. Developing a lawyer's intercultural written communication skills at an early stage of vocational training (German language, bachelor's degree). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2021.
4. Polyakov A.V. Russian legal discourse and the idea of communication. St. Petersburg: University ed. Legal Book Consortium; 2006. 60 p.

5. Strekalova K.V. Technology of professionally oriented teaching foreign language to undergraduate students of international law (English language). Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2018.
6. Stupnikova L.V. Teaching professionally oriented discourse in the legal sphere in the context of intercultural interaction. Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2010.
7. Yarotskaya L.V., Aleynikova D.V., Bondarchuk G.G. Linguistic and Language Pedagogy Foundations of Teaching Law Students Foreign Language Professional Communication in Colliding Legal Cultures. Moscow: TRIUMF publ.; 170 p.
8. Beglarian M.E., Dobrovol'skaia N.Yu. Building digital competencies of lawyers in the modern legal education space. *Legal informatics*. 2022; (3): 61–71.
9. Anesa P. Towards a conceptualization of legal English as a Lingua Franca. *International journal of English linguistics*. 2021; 9 (6): 14–21. DOI: 10.5539/ijel.v9n6p14
10. Llopis Orts M. Legal English as the Lingua Franca for International Law. Traits and Pitfalls for ESP Practitioners and Legal Translators. *VAKKI Publications*. 2017; (8): 17–28.
11. Amosova E.M. Legal certainty in the mirror of linguoculture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2017; 2 (773): 106–118.
12. David R., Zhoffre-Spinozi K. Major legal systems of modern times. Moscow: International Relations; 1999. 398 p.
13. Budennaya S.Yu. Selecting the curriculum content for teaching law majors English as lingua franca of modern legal communication. Ph.D. in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2024.
14. Kuennecke M. English as common legal language: its expansion and the effects on civil law and common law lawyers. *European review of private law*. 2016; 24 (5): 733–757. DOI: 10.54648/ERPL2016044
15. Sierocka H., Chovancova B., Kordic L. Addressing the needs of lawyers in Legal English: A comparative study in four European Union countries. *Comparative Legilinguistics. International journal for legal communication*. 2019; (33): 57–88. DOI: 10.14746/cl.2018.33.3
16. Bondarenko V.E. Lingua franca as a lingvodidactic problem. Traditions and innovations. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2013; 14 (674): 37–45.
17. Kirkpatrick A. English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model Hong Kong: Hong Kong University Press publ.; 2010. 236 p.
18. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? European Commission Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2010. 91 p.
19. Zhang S. English as a global language in Chinese context. *Theory and practice in language studies*. 2011; 1 (2): 167–176. DOI: 10.4304/tpls.1.2.167-176
20. Zhernovaya O.R., Latysheva A.I., Lobanova N.S. English as an international lingua franca: who owns English today? *Modern Research of Social Problems*. 2015; 4 (48): 438–451.
21. Proshina Z.G. Conceptions of the English language globalization. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2018; 1-2 (32-33): 12–30.
22. Timkina Yu.Yu., Bezukladnikov K.E. The key features of a professionally oriented intercultural linguistic personality. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2023; (1): 8–18.
23. Ikonnikova V.A. The influence of the theory of law on the development of features of English-language legal systems. *Teacher XXI century. Fundamental science to universities. Philological sciences*. 2009; (4): 302–307.
24. Kapshutar Y.S., Filippova M.M. Translation of Modern English Law Terms. *Nauchnyy dialog*. 2016; 10 (58): 41–53.

25. Sidorkina M.S. The concepts of "Transaction" and "Agreement" in the law of the Russian Federation and the United States of America. *Legal science*. 2019; (7): 34–37.
26. Bagrinceva N.V., Demchenkova O.A. On the issue of translating contracts (contracts) from English into Russian. *Questions of philological sciences. Comparative historical, typological and comparative linguistics*. 2008; (6): 111–115.
27. Ryabkova I.P., Kozhevnikova A.N. Linguistic and structural peculiarities of the contract in the Russian, American and British legal systems: comparative translation aspect. *Multilingualism and Education*. 2018; (10): 140–148.
28. Vyushkina E.G. "English language" course potential for developing professional competences of lawyers-to-be. *Language of science and professional communication. Linguistic didactics*. 2019; (1): 59–67.
29. Soldatov B.G., Soldatova N.V. To the issue of the professionalization of teaching foreign language for law students. *Philosophiya Prava. Philosophical and legal and methodical problems of education*. 2018; 1 (84): 95–99.
30. Ageeva M.G., Lapekina Y.Y. Pedagogical technology to form juridical students' professionally oriented foreign-language communicative competence. *Pedagogy. Theory & Practice*. 2021; 6 (2): 272–278. DOI: 10.30853/ped210032
31. Mihaleva S.N. Modern educational technologies in teaching a foreign language for lawyers. *Russian Studies in Law and Politics*. 2022; 6 (3-4): 19–31. URL: <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2022-3-4-19-31>
32. Sadykova N.V., Yalaeva N.V. On the question of the formation of a multicultural linguistic personality in an English lesson at a law school. *Multilingual educational environment: models and technologies: mother. III All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Federation. University; 2018. P. 38–43.
33. Sergeeva N.N., Tayurskaja S.N. Implementation of multicultural foreign language education: a heuristic resource of approaches in teaching law students. *Tomsk State University Journal*, 2021; (473): 184–192.
34. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo; 2000. 264 p.
35. Khitarova E.G., Karipidi A.G., Chumak V.V. Directions for using English as a meta-subject component in legal vocabulary. *Modern Pedagogical education*. 2022; (2): 241–247.
36. Kostovarova V.V. Plain English in legal communication: the history of formation and features. *Service plus*. 2023; 17 (2): 48–57.
37. Shiflett M. Plain English movement and its influence on today's legal English. *International Journal of Novel Research in Interdisciplinary Studies*. 2017; 4 (2): 11–14.
38. Williams C. Legal English and plain language: an introduction. *ESP across cultures*. 2004; (4): 111–124.
39. Uzdimaeva N.I. Subject of law: basic approaches to understanding. *Kontentus*. 2020; (4): 118–127.
40. Rudneva Y.V., Fadeev A.V., Chugurova T.V. Legal force on an electronic document. *European proceedings of Social and Behavioural sciences*. 2020: 842–846. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.121
41. Verbitsky A.A., Khomyakova N.P. The structure of the content of teaching a foreign language of a specialty: a contextual approach. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2011; 12 (618): 61–71.
42. Tareva E.G. The system of culture-based approaches to foreign language teaching. *Language and culture*. 2017; (40): 303–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22

43. Fadeeva L.V. Methodology of teaching foreign languages: from theory to practice: study. manual. Moscow: Flint; 2021. 220 p.
44. Shchukin A.N. Theory of teaching foreign languages (linguodidactic foundations): tutory. manual. Moscow: Ikar publ.; 2017. 336 p.
45. Khomyakova N.P. *Context model of forming foreign language communicative competence to non-linguistic students (French language)*. Doctor in Pedagogical science Thesis. Moscow; 2011.

Информация об авторах:

Яроцкая Людмила Владимировна, д-р пед. наук, ведущий эксперт центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития, профессор каф. специальной лингвистической подготовки (№ 62), ФГАОУ ВО «НИЯУ «МИФИ»», г. Москва, lvyar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6539-3085>

Будённая Светлана Юрьевна, канд. пед. наук, доцент каф. английского языка, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва; доцент каф. иностранных языков факультета социально-гуманитарных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), г. Москва, mingli.sb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5293-2890>

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/162-182>

EDN: <https://elibrary.ru/YKVHOE>

Дата поступления:
10.04.2025

Одобрена после рецензирования:
14.04.2025

Принята к публикации:
15.05.2025